

Кирсти Эконен (Kirsti Ekonen),
доктор, исследователь
Университет Хельсинки, Финляндия
kirsti.ekonen@helsinki.fi

Славянская библиотека Хельсинки в 1809–1924 гг. История организации

Славянская библиотека, обязательный экземпляр, национальная идентичность, Великое княжество Финляндское, Яков Грот

Slavonic library, Free deposit copy, national identity, Grand Duchy of Finland, Yakov Grot

В статье речь идет об организационной истории Славянской библиотеки (ранее — Русская библиотека) Университета Хельсинки, о трех переменах ее истории: о начале коллекции (1809–1828), об основании Русской библиотеки (1840-е гг.) и о событиях, ведущих к ее переименованию в Славянскую библиотеку (1917–1924). В статье показывается, как история библиотеки связана не только с политическими, но и с культурными факторами.

The article deals with organisational history of the Helsinki Slavonic library (before Russian library) and focuses on its three main phases, i. e. on the beginning of the collection (1809–1828), on the establishment of the Russian library (1840's) and on grounding of the Slavonic library (1917–1924). During the existence of the Grand Duchy of Finland the organisation of the library mirrors not only political but also cultural changes in the relations of Finland and Russia.

Начало

Возникновение Славянской библиотеки¹ нельзя объяснить, не учитывая всей исторической картины. С одной стороны, в возникновении библиотеки отражаются российская политика умиротворения и раз-

¹ Более подробно о начале Славянской библиотеки см.: [1].

личные жесты доброй воли и политики умиротворения, последующее объединение Финляндии с Российской империей в качестве Великого княжества Финляндского. С другой стороны, библиотека возникла как результат схематического следования законам периода Шведского королевства, которые Александр I обещал сохранить в силе.

Как утверждают исследователи начала периода автономии [2, с. 57–77; 3, р. 15–24; 4, р. 31, 42–44, 76–79], император Александр I многократно обещал и утверждал, что те конституции и привилегии, которые были в силе в Финляндии в составе Швеции, будут сохранены в составе Российской империи. Это было важнейшей частью российской политики умиротворения, обращенной, в первую очередь, к верхнему слою населения Финляндии. Из верхушки Финляндии среди первых лояльность к новой власти объявили представители Академии Турку, первого и единственного университета в тогдашней Финляндии. Это выражение олицетворял вице-канцлер и профессор богословия Академии Турку, епископ Якоб Тенгстрем (1755–1832). Под его руководством представители Академии дали присягу о лояльности к императору уже в мае 1808 г. В следующем месяце Александр I утвердил привилегии Академии и попросил Академию представить планы развития учреждения [5, р. 9–19]. Консistorий Академии (*Consistorium academicum*, университетский совет) быстро подготовил широкий план, в который входили в том числе предложения о совершенствовании библиотеки.

В связи с работой над планами совершенствования Академии возникла идея о так называемом «обязательном экземпляре». В декабре 1809 г. консistorий обращался к Михаилу Сперанскому, который исполнял тогда (помимо других государственных обязанностей) обязанности канцлера Академии Турку, с просьбой о праве получать по одному экземпляру всего, что было издано на всей территории Российской империи. Свою просьбу консistorий обосновал тем, что библиотека имела такое право в составе Шведского государства. Библиотека Академии Турку уже в течение ста лет имела право получать литературу, издаваемую во всей Швеции [6, р. 112]. Это право было ключевым с точки зрения комплектования и развития библиотеки и тем самым могло способствовать академической деятельности. Просьба основывалась на упомянутом выше требовании императора о предоставлении плана дальнейшего развития Академии. Другими словами, представители Академии Турку стремились к улучшению состояния своего учреждения, в частности к совершенствованию библиотечной коллекции, демонстрируя лояльность и одновременно ссылаясь на законы. Оценивая документы этого периода, следует обратить внимание

на то, с какой легкостью можно было поменять право на получение шведских изданий на аналогичное право на издания из России. Языки науки и темы исследований были тогда настолько общими, поэтому такая реорганизация была мыслима и возможна.

Неизвестно, получили ли представители Академии ответ на свою просьбу. Общий план развития Академии был представлен императору, причем просьбу об обязательном экземпляре передали Сперанскому. В 1812 г. положение Сперанского изменилось, он потерял свое место в государственном управлении. Этим обстоятельством можно объяснить то, что вопрос об обязательном экземпляре, по-видимому, не обсуждался в связи с другими вопросами, связанными с развитием Академии. Таким образом, хотя Академию Турку продолжали развивать за счет казны, тем не менее библиотека страдала от того, что коллекции по-прежнему не пополнялись.

Вопрос о праве на обязательный экземпляр стал актуальным в очередной раз в 1820 г. Известно письмо министра народного просвещения Александра Голицына к великому князю Николаю Павловичу, канцлеру Академии Турку, датированное тем же годом. Голицын сообщает «о бездежном доставлении в Абоский Университет [Академия Турку] по одному экземпляру всех книг и сочинений, печатаемых в России». Из письма известно также, кто является *primus motor* решения: Голицын предлагает, чтобы книги отправляли председателю Комиссии Финляндских дел в Петербурге, барону Ребиндеру², для того, чтобы оттуда уже переслать в Турку (*Helsingin yliopiston keskusarkisto. Kanslerinvirasto, Saapuneeet asiakirjat, Eaa*). Ребиндер был не только председателем Комиссии Финляндских дел, но имел также важное положение во главе академической жизни Великого княжества. После смерти Александра I и вступления на престол Николая I, его наследник, будущий государь Александр II (в тот момент лишь семилетний ребенок) стал канцлером университета. Вице-канцлером оставался Ребиндер, но из-за несовершеннолетия канцлера он фактически нес всю ответственность за развитие университета. До своей смерти в 1841 г. Ребиндер был влиятельным человеком вообще, особенно в области русско-финских взаимоотношений [5, р. 44, 68].

По документам архива национальной библиотеки Финляндии и архива Университета Хельсинки (*Kansalliskirjaston arkisto, Helsingin yliopiston keskusarkisto*) после императорского решения 1820 г. библиотека Академии Турку стала получать литературу, издаваемую в России. Книги собирались местными цензурными комитетами и отправлялись в Турку через Комиссию Финляндских дел в Санкт-Петербурге. Однако библиотека Академии Турку смогла принимать книжные по-

² Статс-секретарь, барон Роберт Хенрик Ребиндер (1777–1841).

сылки лишь в течение семи лет. В сентябре 1827 г. пожар уничтожил не только бóльшую часть города, но и здания Академии, в том числе всю библиотеку Академии. Из русскоязычной литературы сохранились лишь 23 тома, которые в ночь пожара оказались на руках у читателей, проживавших в домах, которых не затронул огонь.

Гибель Академии довела до того, что университет перенесли из города Турку в новую столицу Гельсингфорс. По этой же причине его переименовали в Императорский Александровский университет Финляндии. Пересылки книг из российских цензурных комитетов продолжались — об этом свидетельствуют многочисленные списки из разных частей империи. Кроме того, уничтожение библиотеки Академии Турку вызвало кампанию за восстановление коллекций, причем кампания касалась не только территории Великого княжества, но и всей России. Учебные округа организовали сбор дубликатов из библиотек иных высших учебных заведений. Университеты Москвы, Казани и Ревеля пересылали свои книги. Также учебные заведения от Симбирска, Иркутска, Томска, Саратова, Харькова, Нижнего Новгорода, Вильнюса и т. д. посылали лишний материал [НУК Ва 1.1.29, Ва 1.1.30]. Сегодня наиболее известны щедрые подарки из столицы. Они включали в себя как целые коллекции, так и отдельные библиотеки. Например, уже через месяц после пожара Российская академия наук объявила о пожертвовании 4000 томов. Самым ценным отдельным пожертвованием была т. н. коллекция Мраморного дворца. Ее подарил Александровскому университету внебрачный сын великого князя Константина, Павел Александрович (более подробно о пожертвованиях см.: [7]). Действительно, библиотека Университета Хельсинки развивалась благодаря пожертвованиям. Однако это было литература преимущественно на других, нежели на русском языке. Поэтому хотя пожертвования были важны — являясь еще одним знаком выражения доброй воли России к Великому княжеству, потерявшему свою историческую столицу Турку³, — они не имели особого значения с точки зрения Славянской библиотеки.

Официальным началом Славянской библиотеки считают 1828 г. Тогда был принят закон, по которому Библиотека Императорского Александровского университета Финляндии (в Гельсингфорсе) получила право на один бесплатный экземпляр всей литературы, издаваемой в Российской империи. Данную привилегию установили в Уставе о цензуре в 1828 г.

³ Перенос столицы был связан со стремлением русской власти приблизить Финляндию к России и тем самым удалить ее от Швеции. Среди населения решение вызвало критику. Крупные строительные проекты в городе Хельсинки (например, университетские и другие здания вокруг Сенатской площади) связаны с этим расхождением.

Русская библиотека

Несмотря на закон 1828 г., обеспечивающий библиотеке университета в Гельсингфорсе один экземпляр из всех изданных в Российской империи книг, читатели не имели к ним доступа. Об этом свидетельствует Яков Грот, известный позднее как академик и вице-президент Императорской Российской академии наук. Осенью 1840 г. совсем недавно переселившийся в город Хельсинки Яков Грот посетил библиотеку Александровского университета. Кроме «Ручного русско-шведского словаря» Габриеля Гейтлина, он нашел иные русскоязычные книги, «но все в большом беспорядке», как он описал своему другу, тогда профессору русской литературы Петербургского университета П. Плетневу [8, т. 1, с. 55].

Спустя 12 лет, уже готовясь вернуться в Петербург, Грот констатировал, что организация русской библиотеки была важнейшим результатом того периода, который он прожил в Великом княжестве: «Самым важным результатом моего определения в Гельсингфорский университет я считаю то, что он, а вместе с ним и все население Гельсингфорса, приобрели русскую библиотеку, основанную моими стараниями и из которой всякий может бесплатно получить книги. Удобством этим пользуются особенно военные и свеаборгские моряки, но есть и другие читатели. Прочие результаты остаются до сих пор в области возможности» [9, с. 39].

Грот высоко оценил свою работу в библиотеке. Зато о своей главной задаче в Финляндии он высказался довольно скромно: «Я не говорю подробнее о результатах моей профессорской деятельности в Гельсингфорсе и моих объездах финляндских училищ, испытав на самом себе, что распространение и утверждение русского языка в иноплеменном краю не может быть делом одного человека» [Там же].

Дело в том, что в 1840 г., когда Грот переселился в Хельсинки, его первой задачей была следить за преподаванием русского языка в учебных заведениях Финляндии. В 1841 г. он был выбран профессором русского языка и словесности при Александровском университете⁴. Занимательно, что приезде Грота в Финляндию предшествовало знакомство с вышеупомянутым статс-секретарем бароном Ребиндером,

⁴ Иногда ошибочно считают, что Грот был первым профессором русского языка в Александровском университете. На самом деле он был первым профессором «ординариус», первым постоянным профессором. Гроту было заранее известно, что профессор «экстраординариус» русского языка и литературы С. В. Соловьев собирается вернуться из Хельсинки в Петербург, и в Хельсинки Грот ждал открытия этого поста. В должности профессора он в течение многих лет читал лекции (на шведском языке) по русской истории и литературе.

который посоветовал ему работу инспектором финляндских училищ по преподаванию русского языка [Там же, с. 30–31]. Запомним, что вскоре после присоединения Финляндии к России Ребиндер подчеркивал важность знания русского языка, хотя сам его не выучил, и считал, что вместо шведского русский мог бы стать языком управления окраины [2, с. 139].

Запомним также, что Ребиндер заботился о библиотечных коллекциях сначала Академии Турку и затем Александровского университета в Гельсингфорсе. Обе линии деятельности Ребиндера соединились в деятельности Грота в Финляндии в 1840-е гг. В деятельности Грота можно увидеть как продолжение сложившейся традиции, так и ключевые изменения.

Деятельность Грота далеко не ограничивалась выполнением государственных административных задач по распространению русского языка в Финляндии. В личной жизни Грота решение переселиться в Финляндию обозначало решение оторваться от карьеры государственной службы и отдаться литературе. Он сам писал стихи, но его интересовали также иностранные культуры и языки. Он знал шведский язык уже до переселения и, например, осуществил перевод Е. Тегнера («Фритиоф», *Fritiofs saga*). Он также посещал несколько раз Финляндию, бывал, например, в Иматре, в Выборге и в Гельсингфорсе, который в те времена был модным курортным городом. Его стихи этого периода на финскую тему повторяют общие представления о Финляндии, которые доминировали в русской поэзии в те времена (Эконен 2012, forthcoming). Еще до приезда он также опубликовал ряд статей, касавшихся Финляндии и Скандинавии, в «Современнике» и в «Отечественных записках».

Переселившись в Гельсингфорс, Грот продолжал заниматься шведской поэзией и скандинавской мифологией. Он общался с видными деятелями финляндской культуры, в том числе с Й. Л. Рунебергом. Грот учился также финскому языку у М. А. Кастрена, будущего филолога и специалиста финно-угорских языков. Заметно, что деятельность Грота всячески связана с темой языка и национальных культур.

Грот имел большое значение как “culture mediator”. Благодаря ему распространялась информация о Финляндии в России и наоборот. Эту задачу Грот выполнял в сотрудничестве с П. Плетневым, профессором и затем ректором Санкт-Петербургского университета и редактором «Современника». В 1840-е гг. в этом журнале широко представляли финскую культуру и литературу русской аудитории. Грот, со своей стороны, попытался сделать то же самое в Великом княжестве Финляндском. Он, например, попытался возродить интерес к русской

культуре у Й. Л. Рунеберга, шведоязычного поэта национального возрождения Финляндии. Кроме того, он планировал вместе с финскими коллегами издание Северной истории, которое отличалось бы от предыдущих тем, что в него планировали включить и скандинавские, и русские источники. Эти планы не осуществились.

Образ Грота прекрасно вписывался в культурную и идеологическую картину времени. По сравнению с началом XIX в., в 1840-е гг. национальность и национальные языки приобрели общественное значение нового типа. Они стали привлекать внимание ученых, писателей и литераторов. Увеличивался также интерес к фольклору. В расширяющейся Российской империи это обозначало интерес не только к русской культуре, но и к культуре завоеванных областей. Поэтому работу Грота в университетской библиотеке следует рассматривать в культурном, идеологическом и политическом контексте эпохи. В переписке Грота и Плетнева прекрасно проявляются дух времени, заинтересованность и почтительное отношение к чужим культурам. Переписка позволяет также подробно наблюдать работу Грота в университетской библиотеке.

Пост профессора способствовал свободному доступу Грота в университетскую библиотеку, в том числе к той русской коллекции, которая его так заинтересовала сразу после приезда в город. Еще в 1840-е гг. в университетской библиотеке интенсивно работали над организацией коллекции после пожара и переселения университета из Турку в Гельсингфорс. Дискуссии о принципе организации были бурные. Соединить работу над восстановлением библиотеки с обслуживанием читателей было трудно [6, р. 191–204]. В те дни пересылки русских книг из цензурных комитетов не стояли первыми в очереди. Кроме того, в городе не было большого спроса на русскую литературу. В Великом княжестве Финляндском русский язык не стал языком администрации и вообще не распространился так широко и быстро, как предполагали в начале XIX в. Обучение русскому языку, однако, началось уже в Академии Турку вскоре после присоединения Финляндии к России. С 1811 г. за обучение отвечали «мастера» [5, р. 29], затем лектора, а с 1828 г. профессор («экстраординариус») русского языка и литературы — уже в перенесенном в Гельсингфорс императорском Александровском университете. Знание русского языка в финляндской администрации распространялось также с помощью системы стипендий в российских университетах начиная с 1812 г. (см.: [10]). Для местного населения, однако, было достаточно владеть финским и шведским языками. Ученые же могли общаться друг с другом при помощи некоторых общих языков. Единственная сфера жизни, где русский язык был нужным, хотя необязательным, — администрация. Поэтому понятно, что те русские издания, которые

в течение 1820-х — 1840-х гг. посылали цензурные комитеты со всех краев империи в библиотеку Университета Хельсинки, оставались в беспорядке.

В первые хельсинкские годы библиотечные коллекции не были организованы по принципу языка. Вообще для «духа» XVIII в., который господствовал еще в начале XIX в., язык и национальность не считались сами по себе особыми ценностями; знание, наука и культура представлялись универсальными, наднациональными предметами, причем язык был скорее средством общения. На смешение разноязычных изданий в библиотечных коллекциях повлияли также практические причины: списки книг, высланных из Российской империи по закону обязательного экземпляра, включали литературу на многих языках, хотя большинство изданий были на русском языке. То же самое можно сказать о литературе, подаренной учебными заведениями. Целые библиотеки и книжные коллекции, подаренные из России после пожара в Турку, также включали в себе издания на разных языках, большей частью на европейских — латинском, французском, немецком, т. е. на главных языках науки и культуры того времени, когда формировались эти коллекции. Одновременно количество русскоязычной литературы, издаваемой в России, за первые десятилетия XIX в. сильно увеличивалось, и тем самым к 1840 г. возрастало число русскоязычной литературы в фондах Александровского университета в Гельсингфорсе.

Назначение Грота на пост профессора русского языка и литературы фактически обозначало начало русской библиотеки. Дело в том, что именно он стал инициатором разделения книг по принципу языка издания. Сразу после приезда его заинтересовали именно русские книги университетской библиотеки, и именно русской коллекции он и посвящал много времени. Деятельность Грота в университетской библиотеке следует рассматривать в контексте национальной романтики: язык стал важным фактором также в организации коллекций. Библиотека была не только источником информации, но и складом национальных ценностей.

С самого начала известно, что Грота интересовали именно русские книги, и он рассматривал их как одно целое, а не как часть библиотечных ресурсов Гельсингфорского университета. Он писал Плетневу: «...книги стоят по росту, между ними русские рассеяны как русские путешественники по Европе, прочие — дома, а они как будто в гостях» (Письмо от 26 сентября 1840. См.: [8, т. 1, с. 69]).

Через несколько дней, как мы видим из письма Плетнева Гроту от 1 октября 1840 г., идея об отдельной русской библиотеке уже сформулирована. Плетнев планирует: «Надеюсь, что, сделавшись ординаруму

профессором университета, вы отделите русскую библиотеку от шведской и приведете ее в такое состояние, что она послужит образцом для всех в мире университетских библиотек» [Там же, с. 81].

Этим планам суждено было осуществиться, но только после того как университетская библиотека переселилась из временного здания во вновь построенное отдельное библиотечное здание в 1843 г. Со времен Грота Русская библиотека отделилась от общей университетской библиотеки, хотя официально ее статус в организации изменился лишь в 1852 г. [11, р. 33].

Сначала Русской библиотеке предоставили две комнаты в новом библиотечном здании возле Сенатской площади, построенном по проекту К. Л. Энгеля, где и поныне находится Национальная библиотека Финляндии. Уже в 1847 г. Русская библиотека переехала в университетское здание (сегодня — главное здание Университета). В 1845 г. в фондах Русской библиотеки было, по подсчетам Грота, около 3000–4000 томов [12, р. 160].

Переписка Грота с Плетневым показывает, что он всецело отдался библиотечной работе. Ректор университета выделил отдельные средства для работы, кроме того, Гроту назначили помощника [Ibid., р. 148]. Из письма Грота от 22 апреля 1844 г. мы узнаем, что книги уже расставлены и «для каждой науки особый шкаф или шкапы» [8, т. 2, с. 237]. Как утверждает Мария Виднес [12, р. 148], коллекции организовывали по тому же принципу, который (после длинных разговоров) был избран для всей университетской библиотеки.

Комплектование и забота о качестве библиотечных фондов были постоянной проблемой Грота. Система обязательного экземпляра его не удовлетворила, так как цензурные комитеты не пересылали все издания, которые выходили в России. Гроту стало ясно: чтобы создать из Русской библиотеки научную библиотеку, необходимо также позаботиться о поступлении в нее всех важнейших научных изданий. Об отдельных отсутствующих книгах и журналах шла речь в его переписке с Плетневым. С помощью Плетнева ему, например, удалось достать старые номера «Современника». (Более подробно о деятельности Грота в библиотеке см.: [8; 12].)

Сложно было достать нужную литературу, но в работе появились и иного рода проблемы: по закону об обязательном экземпляре библиотека получала массу печатных материалов, абсолютно не отвечающих ее научному профилю. В сентябре 1844 г. Грот, уставший от работы, даже высказался довольно резко: «...Гораздо выгоднее было бы, если бы цензурные комитеты вовсе не прислали нам новых книг» [8, т. 2, с. 320]. В те дни он вместе с помощником Степаном Барановским отделяли «годные книги от негодных» [Там же].

Кроме работы, которая требовала глубоких познаний в русской культуре и науке, Грота волновали и практические дела, такие как, например, убранство (меблировка) библиотеки, принцип переплетения книг, организация справочной библиотеки и т. п. После того как приняли решение о «расставлении» книг в систематическом порядке, возник вопрос о каталоге, но каталогизация продолжалась и после Грота. Помощник Грота, Степан Барановский, стал после него профессором русского языка и литературы и одновременно ответственным за русскую библиотеку (см.: [13]). После Грота ответственность за русскую библиотеку официально входила в обязанности профессора русского языка и литературы.

Благодаря переписке Грота с Плетневым первые годы существования библиотеки хорошо документированы. Гораздо меньше материала о последующих десятилетиях. Читателями библиотеки на второй половине XIX в. были как ученые, так и люди, порой далекие от науки. Ученые, особенно финские, интересовались историей и географией России. Студенты нуждались в учебных пособиях русского языка. Читатели художественной литературы предпочитали Пушкина, Гоголя, Павлову. Из иностранных авторов можно упомянуть Дюма, Гете, Жорж Санд. Все одинаково интересовались «Современником» и другими толстыми журналами. В середине века объем библиотечной коллекции составлял уже больше 10 000 томов. По статистике 1850-х гг. число выданных книг было примерно 1000. Значит, библиотека, организованная Гротом, работала и нашла свое место в академической и интеллектуальной жизни города.

В годовых отчетах университета отмечается «поток книг» из России (например, в отчетах за 1887–1890 гг. [14, р. 60]). Большое количество книг и журналов составляло действительную проблему: в русской библиотеке Университета не было места для всех изданий. Из всей литературы, поступавшей по закону обязательного экземпляра, выделяли ту часть, которую не считали подходящей для академического учреждения (в том числе детскую или общеобразовательную литературу и т. п.) и дарили школьным и офицерским библиотекам города. Кроме университетской русской библиотеки, русскоязычному населению столицы Великого княжества предлагали свои услуги также некоторые другие библиотеки. Например, библиотека православного прихода имела коллекции духовно-нравственной и богословской литературы. Русские школы собирали литературу для детей, а библиотека Купеческого общества имела хорошие собрания художественной литературы.

Хотя деятельность Грота в 1840-е гг., как сказано выше, стремилась к взаимному обогащению знаниями других культур, ее решение

отделить русскую коллекцию от общей университетской коллекции подчеркивал разрыв между русской и финляндской национальными культурами. Кроме того, со временем политический климат изменился. Особенно в годы правления генерал-губернаторов Бобрикова («первый период угнетения») и Зейна («второй период угнетения») речь уже не шла о взаимном обогащении двух культур. С финляндской стороны основанную Гротом библиотеку стали рассматривать как один из способов русификации страны. Библиотеку относили к группе так называемых русских учреждений Университета, политическое значение которых увеличивалось к концу XIX в., когда усиливались репрессивная политика и русификация и, соответственно, ответное стремление финнов сохранить прежнюю автономную позицию.

Одной из целей российской политики конца XIX и начала XX в. было расширение преподавания русского языка и вообще знаний о России. Из-за этого, например, открыли профессию истории русского права, но университет, обладающий широкой автономией, смог добиться права самостоятельно принимать решение о назначаемом кандидате. Поэтому, например, на пост профессора истории русского права назначали Сергея Корфа, человека не самого желательного с точки зрения государственной власти (см. статью Е. Петрова в данном сборнике) (Suomen kansallisarkisto, Kanslerinviraston aktit, 1905, p. 8; 1907, p. 7, I; 5, p. 457–458). Некоторое время он также отвечал за Русскую библиотеку. Вообще в главе Русской библиотеки до 1902 г. стоял профессор русского языка и русской литературы, первым же официальным директором библиотеки стал Андрей Игельстрем (1860–1927). Он возглавил библиотеку в бурные годы — с русской и с финской точки зрения — и состоял в этой должности также и во время отделения Финляндии от России.

Славянская библиотека

До 1917 г. библиотека была русским учреждением в столице Великого княжества, где большинство населения говорило на шведском и на финском языках. Революции 1917 г., приобретение Финляндией независимости и формирование Советской России обозначили серьезные перемены в организации библиотеки и ее статусе в академической жизни страны.

Падение Российской империи и утрата Финляндией статуса Великого княжества означали отмену закона 1828 г., обеспечивавшего для Русской библиотеки Университета поступление обязательных экземпляров. Относительно русской коллекции ситуация была схожей с си-

туацией 1809 г., когда закончился договор об обязательных экземплярах в Академию Турку. Ситуации отличались, однако, в том, что русские издания не были такими необходимыми для академической жизни, какими были обязательные экземпляры из Швеции в начале XIX в. Кроме того, самостоятельное положение Русской библиотеки в организации Университета отделило ее от «общей» университетской библиотеки как центра научной литературы. Таким образом, прекращение пересылок литературы из России поставило под угрозу «лишь» существование Русской библиотеки, а не всей университетской библиотеки, как в начале XIX в. Так как будущее Русской библиотеки было открытым, директор Игельстром обратился к консисторию с предложением о ее реорганизации. Университет назначил комиссию для изучения ситуации [11, р. 37–40; 15, р. 98–101].

До того, когда в 1924 г. Русскую библиотеку соединили с университетской библиотекой и переименовали в Славянскую библиотеку, политические и идеологические направления в очередной раз повлияли на это учреждение.

Символическое значение языка и фактическая языковая политика в России и в Финляндии стали вновь важными факторами для развития библиотеки. В независимой Финляндии упразднили те «русские профессуры», которые были учреждены по предложению русской власти и которые финны считали признаками угнетения, в то время как Николай II выражал надежду об их способностях, напротив, вызвать любовь к России [11, р. 34]. К сожалению, профессор С. Корф покинул страну.

Что касается Русской библиотеки, несмотря на сильные антирусские настроения, вышеупомянутая комиссия пришла к такому выводу, что коллекции библиотеки являются весьма ценными и формируют одно целое, которое надо сохранить. Отбор материала надо совершить квалифицированно. Комиссия еще подчеркивала то обстоятельство, что, по ее мнению, в большевистской России уничтожаются библиотеки вместе с другими культурными ценностями, и поэтому ценность собрания русских книг в Хельсинки еще более возрастает.

Так как Русская библиотека была частью Университета, дискуссию о ее будущем следовало рассматривать с точки зрения академической жизни Финляндии. На основе закона об обязательном экземпляре ее коллекции содержали много изданий, которые, несмотря на очередные отборы, не соответствовали профилю научной библиотеки. Продолжать комплектование было невозможно, во-первых, из-за того, что Университет не имел средств на него; во-вторых, большое количество читателей приходило не из университетской среды,

и Университет не полагал своим долгом предлагать услуги тем, кто мог бы обращаться в городские и иные библиотеки общего профиля.

Одновременно, помимо финского академического контекста, следует учитывать и крупные политические изменения, а также их международные последствия. Вопрос о реорганизации Русской библиотеки не ограничивался местной политикой, он приобретал более широкие масштабы. Действительно, Русская библиотека Хельсинки, самая большая коллекция русской литературы вне границ Советской России, не переставала интересовать русских как в Советской России, так и в эмиграции.

Как показывают исследователи (М. Engman, J.-P. Hakkarainen), одной из тем мирных переговоров между Финляндией и Советской Россией в 1920 г., предшествовавших заключения мира в Тарту, являлись проблемы русского имущества в Финляндии. Вопрос о Русской библиотеке поднимался в связи с дискуссией о владении культурным имуществом, в том числе о принадлежности канцелярии финляндского статс-секретаря в Петрограде. Дискуссии продолжались и после заключения мира, так в 1922 г. русская сторона сделала предложение об обмене Русской библиотеки на архив канцелярии статс-секретаря. Финская сторона отрицательно отнеслась к этому предложению, и, как пишет Макс Энгман, предложение также не согласовывалось с мирным договором. Таким образом, эти планы не нашли дальнейшего развития⁵ [11, р. 40–43]. Примечательно и то, что со стороны Советской России высказывались отдельные мнения о том, что прежние «подарки» в виде обязательного экземпляра оставались имуществом России.

Интерес к Русской библиотеке возник также среди русской эмиграции. Коллекции библиотеки привлекли внимание деятелей науки и культуры в Чехословакии. В Праге, где формировался первый центр русской эмигрантской культуры и науки, был основан, например, Институт славистики. Этому институту Русская библиотека Хельсинки могла бы быть весьма полезной, даже, возможно, более нужной, чем академической среде Финляндии. Правительство Финляндии получило из Чехословакии предложение о покупке библиотеки, но этим планам также не суждено было осуществиться. Положение библиотеки стало стабильным после того, как она вошла в состав университетской библиотеки Хельсинки под именем Славянская библиотека. (Более подробно о теме см.: [11, р. 45–47; 15; 16].)

⁵ Архив и библиотеку канцелярии статс-секретаря Великого княжества Финляндского в Петербурге решили поменять на коллекцию военных архивных документов и военной литературы [11, р. 44].

С 1920-х гг. до конца холодной войны Славянская библиотека оказалась связующим звеном между русской культурой Советского Союза и эмиграцией. Коллекции комплектовались с обеих сторон, а со временем устанавливались прочные контакты как с советскими, так и с эмигрантскими учреждениями.

Выводы

История Славянской библиотеки является отличным примером того, как организационные вопросы связаны, с одной стороны, с деятельностью отдельных индивидов, с другой стороны — с идеологическими и политическими веяниями. В случае культурной организации подчеркнuto важным является вопрос о языке и идентичности.

В ходе истории Славянская библиотека приобрела символическое значение, которое повышало ее роль в научной жизни. Это символическое значение не было стабильным, а менялось в различные промежутки времени, как мы продемонстрировали примерами начала XIX в., середины XIX в. и конца XIX — начала XX в. Кроме того, символическое значение библиотеки отличалось в финском и в русском восприятии. Все это не могло не отразиться на истории ее организации.

История библиотеки показывает, что обе стороны, финская и русская, принимали активное участие в организации библиотеки. Уже само начало коллекции в 1820-е гг. показывает, что финская и русская стороны имели свои цели. Однако хотя цели деятельности представителей Академии Турку и императорской власти были разные, они не противостояли друг другу. Желание России стабилизировать ситуацию и препятствовать мятежным настроениям среди верхних слоев населения и желание финнов сохранить общественный и церковный уклад, демонстрируя свою лояльность к императору, положительно отражаются в дальнейшем развитии Академии. Закон 1828 г. можно оценить как результат стремлений финской и российской стороны. Интересно заметить, что наука и культура, в том числе библиотеки, были настолько ценными, что стали средствами государственной политики.

Время Якова Грота и основания Русской библиотеки было периодом взаимного уважения, взаимного интереса. Но выделение Гротом библиотеки из общей организации университетской библиотеки обозначало, с одной стороны, подчеркнутое значение именно русского языка, а с другой — изоляцию русской коллекции от научной жизни Финляндии. Соответственно, 1840-е гг. — время наиболее активного сотрудничества между университетами Гельсингфорса и Санкт-Петербурга, однако это

сотрудничество осуществлялось между русскими деятелями, между Гротом и Плетневым. Можно отметить, что, несмотря на многочисленные попытки Грота устранить культурные барьеры между Россией и Финляндией, его деятельность в случае Славянской библиотеки имела противоположные последствия. Выделенная из общей коллекции русская коллекция символически подчеркивала оторванность русской и финской (финляндской) культуры и науки друг от друга.

Если в организации библиотеки в 1840-е гг. проявлялись веяния русской культурной политики и национальной идеологии, то в 1920-е гг. решения принимались в условиях, в которых финская национальная идеология и языковая политика являлись доминирующими. Переименование Русской библиотеки в Славянскую библиотеку демонстрирует желание финнов забыть и попрощаться с общей историей с Россией. Конструирование финской национальной идентичности во многом основывалось на отказе от российской идентичности. Несмотря на такую господствующую идеологию 1920-х и 1930-х гг., библиотечные коллекции сохранились до наших дней.

Литература

1. Эконен К. История России и Финляндии в зеркале Славянской библиотеки Хельсинки // Историография и источниковедение отечественной истории: Сб. науч. статей. Вып. 6. СПб., 2011. С. 13–22.
2. Юссила О. Великое княжество Финляндское (1809–1917). Хельсинки: Ruslandia, 2009.
3. Klinge M. Keisarin Suomi. Schildts, 1997.
4. Tommila P. Suomen autonomian synty 1808–1919. Helsinki: Valtionneuvoston kanslia; Valtion painatuskeskus, 1984.
5. Klinge M. Keisarillinen Aleksanterin yliopisto. Helsinki: Otava, 1989.
6. Jørgensen, A. Universitetsbiblioteket i Helsingfors. Helsingfors. (Helsingin yliopiston kirjaston julkaisu XIV), 1980 (ориг. изд. 1930).
7. Pietarin kirjoja: näyttely. Helsinki: Helsingin yliopiston kirjasto, 1991. P. 19–48.
8. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 1–3. СПб., 1896.
9. Грот Я. К. Несколько данных к его биографии и характеристики. СПб., 1896.
10. Ketola K. Ryssän koulussa: suomalaiset Venäjän stipendiaatit autonomian aikana 1812–1917. Finemor, 2007.
11. Engman M. Böcker i kristid: biblioteken i relationerna mellan Finland och Rådrysland (1917–1926) // Album amicorum. Helsinki, 1986. P. 32–50.

12. *Widnäs M.* Jacob Grot och universitetets ryska bibliotek // *Miscellanea Bibliographica*, 5. Helsinki, 1947. P. 144–163.

13. *Вихавайнен Т.* Профессор русского языка, филантроп, друг Финляндии, ученый-универсал. *Literarus*, 2007. С. 1, 10–11.

14. *Rehtorin kertomukset* // *Till vetenskapernas beskyddare, gynnare, idkare och vänner vördsam redogörelse af Kejsrerliga Alexanders-Universitetets i Finland nuvarande Rektor.* Helsingfors, 1891.

15. *Hakkarainen J.-P.* Oppineiden talossa: Helsingin yliopiston slavistien kansainväliset verkostot Suomen Yliopistollisen Avustuskomitean toiminnan yhteydessä vuosina (1921–1925): Pro gradu – tutkielma. Helsinki, 2011.

16. *Kolari V.* Suomen slavistiikan vaiheita // *Helsingin yliopiston slaavilaisten kielten laitoksen raportteja*; 2. Helsinki: Helsingin yliopisto, 1985.

Неизданные источники

Helsingin yliopiston keskusarkisto.

Helsingin yliopiston kirjaston (Suomen kansalliskirjaston) arkisto.

Suomen Kansallisarkisto.